

В молодости я б никогда не написал слова, вынесенные мной в заголовок, на то она и молодость, где думать о грустном у неё времени нет, когда у жизни всё ещё впереди и сердцу не нужен валокордин. У старости нет никаких шансов встать вровень с молодостью иль участвовать с нею в одном забеге. Уж больно большая разница, как между спринтерским бегом и ходьбой не спеша. Молодость ничего не знает, да и знать не хочет о старости, которая знает всё о возрастных жизненных отрезках, начиная с детства: «Детство, детство, не верилось даже, // Что ему будет память близка... // Там на счастье кораблик бумажный // Я по талым канавкам пускал, // Ну, а в небо – хвостатого змея, // Что послушен моей был руке...». Это о детстве, которого хотя и обожгла горящим пламенем война, но зёрнам детских лет обугленность земли дала благие всходы. Так поле с обгоревшей дотла на нём стерней возрождается стойкими стеблями и тучными колосьями на них! Память о детстве – одна из ярких страниц, в которую старость вносит свою лепту, вспоминая о нём: «От былого наутёк не утёк, // Потому я к нему возвращаюсь, // Там мой берег и там мой порог, // С ними я, как общался, общаюсь. // Там меня освежает рассвет, // И кутёнок нос к носу со мною, // Там ни кражи за выкупы нет, // Ни угроз, ни беды за бедою». Это вновь о детстве.

Что же касается юности, то она и размахом пошире, и высотой повыше, и глубиью чувств поглубже. Если детство наше в основном состояло из игр в лапту, войну и прятки, то в юности уже была игра взглядов, прикосновенья руки к руке, волнующие притяжения губ к губам и страсти к страсти: «По стихам своим, как по следам, // Нахожу свои юные годы. // Может, здесь вот, а может быть, там // Отшумели нам талые воды. // До чего ж ты была хороша // В белой шапочке с отсветом рыжим! // Замирала, пугаясь, душа // С каждым шагом твоим ко мне ближе». Если детство для старости является фонариком с ближним и дальним светом, то юность выступает в роли прожектора, при котором видно всё, как на ладони, – душ влюблённых состояние, где первая любовь и первое свидание. Прожектор юности светит так, что я глубокой ночью стариком без очков могу написать на первом попавшемся клочке бумаги: «Из прошлого не вычеркну никак // Тебя, вдали идущую и близко // По юности, не замедляя шаг, // И по весне, где пахнет тамариском».

Вспоминать так вспоминать, и потому на очереди – молодость, с которой неразлучно небо со взлётной полосой на земле. Какое же счастье, когда из чаши небесной мне синь пригубить довелось, того мне вовек не забыть, как плыли, ныряя, поля под крыло! Крылатая молодость... Не было за всю жизнь её лучше и, пожалуй, не будет; над нею не смели разгуливать тучи, на праздники были похожими будни, где: «Словно у причала // Причудливого плёса // Стихов моих начала // И заготовки прозы».

С верхотуры своих немало прожитых лет прихожу к выводу, что на молодость, быть может, приходится меньше стихов моих, чем на зрелость, зато в молодости – что ни стих, то цветение, волнение и парение, стихи же, приходящиеся на зрелость, о которой я ещё скажу по ходу этого повествования, – тоже созидание, но уже с налётом увядания. Молодость – жизни маяк, находящийся в центре, между детством и юностью с одной стороны и зрелостью со старостью – с другой. Воспоминания о молодости, да ещё крылатой, составляют галерею лучших жизненных картин, выставляемых памятью по желанию моей заоблачной, крылатой доли: «Петли, бочки, виражи, // Под усилившийся бас, – // Богом посланная жизнь, // Богом данная судьба!».

Зрелость – срединный отрезок жизни, прихватывающий конечную часть молодости и начальный период старости. Зрелость – основная колонна, на которую опирается жизнь. Все основные жизненные события – значимые открытия в науке и технике, творческие не взлёты, а устойчивые парения – приходятся на зрелость. Именно в пору зрелости достигло своего апогея моё творческое горение, начинавшееся с искорки в детстве, пламенеющей свечи в юности, небольшого костерка в молодости и доменной печи в зрелости, в горниле которой рождались, выплавлялись и закалялись стихи мои пред тем, как выйти на читательский суд и его оценку, далеко не панибратскую. Хотелось бы тут образно добавить, что если молодость – на турнике подтягивание и ветры ей в лицо, то зрелость – приседание и бег её трусцой. Так что на зрелость можно посмотреть и с другой стороны – это когда в молодость зрелость уже не пускают, а в старость ей самой пока что идти не хочется. Оставалось лишь одно – доказать ей самой себе и своему окружению всё то, на что она ещё способна, и что сходить ей с основной дороги на обочину более чем рано, то есть хлопнуть дверью при своём уходе она всегда успеет. Помню, в зрелости было написано мной: «Я стойкостью духа свой стих заряжу, // И даже своим, родионовским стилем, // Я всё ему выложу, всё покажу, // Потом пожелаю семь футов под килем».

И, наконец, старость. Рассказывать о своей старости, находясь в её возрасте, равносильно быть при своих интересах, а это вряд ли заинтересует читателя. Вот почему меня «осенила» мысль написать не только о себе, но и о моём поколении,

Я уже не вернусь никогда даже с помощью чуда сюда

Автор: Владимир РОДИОНОВ.
30.10.2015 07:22

тающем списочно-поимённым составом. О своём поколении я совсем недавно написал: «Пускай спалось нам очень кратко, // Не на диване, а в палатке, // В обнимку с чуткою тревогой, // Что звать привыкла нас в дорогу, // Не в первый, не в последний раз... // Мы, поколенья звёздных трасс, // Уходим тихо, таем вроде // При смертоносной непогоде».

Старость – последний жизненный рубеж, где отступить некуда, ибо позади – смерть! А впереди – набег на этот рубеж полчищ болезней, состоящих из инфарктов, инсультов, астм, норовящих взять за горло, диабетов разных стадий, а том числе и гангренозных, и прочих зараз, которым противостоит приказ, данный нами самим себе: «Не отступать!». Нам надо до последних сил держаться, поскольку, повторюсь: «Мы – поколение отцов, // Пропахших порохом бойцов!».

Пишу вот сейчас о старости нашего поколения, а по «Шансону» звучит песня, услышанная мной, лежащим на больничной койке: «Я хочу от тебя любви, // Не нужны мне твои понты». Подобие стыда, поскольку в чистом виде его просто нет в наши дни, подкатило комком к моему горлу, обнажая до безобразности нынешнюю любовь и её понты. Хорошо хоть, что последующая песня в исполнении Вики Цыгановой дала понять, что ещё не всё потеряно: «Я закрою глаза, я забуду обиды, // Я прощу даже то, что не стоит прощать. // Приходите в мой дом, мои двери открыты, // Буду песни вам петь и вином угощать». Песня, от которой на старческом лице распрямляются морщины... На этой высокой ноте пришла пора закончить сказ о себе и о поколении моём летающем, сегодня, к сожаленью, исчезающем.